

~~СИГНАЛЬНЫЙ~~

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Отделение диссертантов языковедческих дисциплин

На правах рукописи

ТАГИРОВА К. Т.

ТАДЖИКСКИЕ ГОВОРЫ БАСТАНДЫКСКОГО РАЙОНА КАЗАХСКОЙ ССР

(Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук)

МОСКВА — 1952

Изучение местных диалектов и говоров таджикского языка имеет большое значение в установлении истории и развитии данного языка. Исследование территориальных таджикских диалектов и говоров, являющихся основным объектом изучения таджикской диалектологии, как науки, особенно актуальное значение приобрело после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина, посвященных вопросам языкознания.

Несмотря на то, что изучение таджикского языка и его диалектов началось ещё в прошлом столетии, в дореволюционный период его изучения устанавливались лишь некоторые его отличия от персидского языка и были собраны материалы по некоторым его диалектам и говорам.

Подлинно научное изучение таджикского языка, систематическое описание фонетической и морфологической его системы, а также исследование и классификация его диалектов начато после победы Октябрьской революции в нашей стране. Ещё в 1927—28 г.г. И. И. Зарубиным был установлен фонетический состав таджикского языка и дано описание его грамматической системы. В том же (1928) году им написана работа «Очерк разговорного языка самаркандских евреев». В 1930 году М. С. Андреев в своей работе «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров» приводит деление таджикских говоров на две группы: северо-западную и юго-восточную, давая в основных чертах сравнительную характеристику этих двух групп.

Дальнейшее описание отдельных таджикских диалектов и говоров дает более или менее полное представление по описываемым говорам. К числу таких работ относятся работы В. С. Расторгуевой «Варзобский говор таджикского языка» (1939 г.), Р. Л. Неменовой «Куляб-

ские говоры таджикского языка (северная группа)», 1950 г., Успенской «Каратагский говор таджикского языка» (1949 г.) и другие.

В данной работе В. С. Расторгуевой дается полное представление о грамматической системе говора, причем отражены все основные факты как специфически варзобские, так и общетаджикские.

В настоящее время более изученными являются северо-западные и центральные говоры таджикского языка, юго-восточные говоры изучены мало.

Говоры, бытующие за пределами Таджикистана, почти вовсе не изучены.

Гениальное учение И. В. Сталина о значении исследования территориальных диалектов в установлении истории языка ставит перед лингвистами-таджиковедами (диалектологами) задачу — уделить ещё больше внимания изучению таджикских говоров, распространенных как на территории Таджикской ССР, так и за пределами её.

Настоящая работа представляет собою описание группы таджикских говоров, бытующих на территории Казахской ССР. Эта группа имеет распространение в пяти кишлачных советах Бастандыкского района Южно-Казахстанской области: Брич-Муллинском, Богистанском, Нанайском, Узунском и Пскемском. Каждый из этих кишлачных советов включает по несколько кишлаков.

Данная группа говоров до настоящего времени не была изучена и почти вовсе не упоминается в диалектологических работах. Только в работе М. С. Андреева «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров» (1930 г.) перечислены некоторые фонетические и морфологические особенности брич-муллинского говора.

Однако эти говоры представляют особый научный интерес. Большинство из них вследствие массового двуязычия населения, владеющего одинаково хорошо таджикским и узбекским языками, в сильной степени подверглись влиянию узбекского языка.

В Бастандыкском районе насчитывается около двадцати кишлачных советов, из которых пять (Брич-Мулло, Богистан, Нанай, Узун и Пскем) по своему национальному составу являются таджикскими, а все остальные населены казахами.

Весь этот район расположен в горной местности между Каржантайским и Пскемским хребтами. Районный центр находится в кишлаке Бастандык, расположенном на левом берегу реки Чирчик в ста километрах к северо-востоку от Ташкента. Обследованные нами пять таджикских кишлачных советов (Брич-Мулло, Богистан, Нанай, Узун и Пскем) находятся в северо-восточной части Бастандыкского района между Угамским и Пскемским хребтами на левом берегу реки Пскем и её притоков. Все эти кишлаки окружены высокими горами.

Материалы, положенные в основу данной работы, собраны во время двухмесячной командировки (февраль—март 1952 года) на месте, в Бастандыкском районе.

Настоящая работа посвящена характеристике группы говоров, распространенных в этих пяти кишлачных советах: Брич-Муллинском, Богистанском, Нанайском, Узунском и Пскемском. Внутри данной группы отчетливо выделяются три говора, отличающиеся друг от друга по ряду фонетических, морфологических и лексических признаков: брич-муллинский, богистанский и нанайский. В говорах жителей Узунского и Пскемского кишлачных советов нет существенных отличий от брич-муллинского говора.

Основная часть работы посвящена описанию брич-муллинского говора, который имеет широкое распространение (в трех кишлачных советах: Брич-Муллинском, Узунском и Пскемском). В заключительной главе (в IV части) даны особенности богистанского и нанайского говоров сравнительно с брич-муллинским.

Диссертация состоит из следующих разделов:

I. Введение (обзор литературы по северным таджикским говорам, а также метод исследования и сбора материалов).

II. Общие сведения о районе исследования (краткий географо-этнографический очерк тех кишлаков, где распространены данные говоры).

III. Описание брич-муллинского говора (типичного для данной группы говоров) сравнительно с литературным таджикским языком.

IV. Особенности богистанского и нанайского говоров сравнительно с брич-муллинским.

V. Заключение (место группы таджикских говоров

Бастандыкского района среди других таджикских говоров).

К работе прилагаются: тысяча двести разговорных фраз, одиннадцать сказок и рассказов и словарь диалектизмов.

Основные черты группы таджикских говоров Бастандыкского района

Группа таджикских говоров Бастандыкского района Южно-Казахстанской области характеризуется следующими особенностями:

В фонетике

1. Система вокализма существенно отличается от системы вокализма литературного языка. В ней насчитывается восемь гласных фонем: и, й, е, а, о, у, $\bar{y}$, $\bar{u}$ — вместо 6 гласных фонем литературного языка (и, е, а, у, $\bar{y}$, о).

Как видно, в противоположность литературному языку, фонематически различаются и-долгое (й) и и-краткое (и), а также у-долгое ($\bar{y}$) и у-краткое (у).

В отличие от литературного языка, в этих говорах звук «у», как фонема, имеет очень ограниченное употребление. Он встречается преимущественно в словах, заимствованных из узбекского языка, таких как: кузи — ягнёнок, унунчи — десятый, ура — яма, урта — середина, туртунчи — четвертый и пр., а также в словах, заимствованных из русского языка, где он заменяет собою русское ударное «о». Например: тушни, тулка, духтур и т. п. — вместо русского «точный, только, доктор».

Почти во всех таджикских словах литературному «у» в данных говорах соответствует звук « $\bar{u}$ »: р $\bar{u}$ — лицо, м $\bar{u}$ — волос, р $\bar{u}$ з — день, ду $\bar{r}\bar{u}$ г — ложь, неправда, п $\bar{u}$ ст — кожа, т $\bar{u}$ й — свадьба, ш $\bar{u}$ р — солёный и др. — вместо литературного «ру, му, руз, дуруг, пуст, туй, шур».

Гласные фонемы с количественной стороны делятся на две группы: устойчивые и неустойчивые. Фонемы о, й, $\bar{y}$, е, $\bar{u}$ — устойчивые, а, у, и — неустойчивые.

2. Система консонантизма в основном не отличается от системы консонантизма литературного языка, т. е. в описываемых говорах также имеется 23 согласных звука.

В отличие от литературного языка, звуки в, ф — не губно-зубные, а губно-губные, щелевые согласные с плоской щелью.

Широкое распространение имеют в этих говорах следующие фонетические явления:

Литературному «е» в данных говорах в ряде случаев соответствует «й». Например: мйхмон — гость, мйхнат — труд, хйзум — дрова, дйг — котел, пйш — перед, тйс-тйс — быстрее и пр. — вместо литературного мехмон, мехнат, хезум, дег, пеш, тез-тез.

Обратное соответствие литературного «и» звуку «е» в говорах отмечено в слове дена — вчера — вместо литературного «дина» и др.

Литературному «о» соответствует «у» в следующих словах: мухо — мы, ун тараф — та сторона — вместо литературного мо, он тараф и пр.

Литературному «о» соответствует также «и» в слове калиш — вместо литературного калош.

Литературному «о» соответствует «а» в слове «инча» — вместо литературного «ин чо» — здесь.

Обратное соответствие литературного «а» звуку «о» в говорах отмечено в словах: ако — старший брат, додо||дадо — отец — вместо литературного «ака», а также дада (узб.).

Литературному «у» в открытом безударном слоге обычно соответствует звук «и»: ико — младший брат (и младшая сестра), кишо — открывай, шимо — вы и др. — вместо литературного ука, кушо, шумо.

Литературному «ф» соответствует звук «п». Это явление наблюдается в любой позиции: и в начале, и в середине, и в конце слов: Парғона — Фергана, пакат — только, ипλος — грязный, гупт — он сказал, соп — чистый, прозрачный и пр. — вместо литературного Фарғона, факат, ифлос, гуфт, соф.

Литературному «х» соответствует «ф» в слове мўфточ — вместо литературного мухточ — нуждающийся.

Литературному «х» соответствует также звук «х» в позиции между гласными или после гласного: Рахим —

имя мальчика, махси — ичиги — вместо литературного Рахим, махси и др.

Литературному «к» в закрытом слоге перед следующим согласным соответствует звук «х»: ахл — ум, тахсим — (распре)деление, махсат — цель, вахт — время — вместо литературного акл, таксим, мақсад, вақт и пр.

Литературному «в» соответствует звук «б» в слове бафо — верность — вместо литературного вафо.

Литературному «р» соответствует «н» в слове зандолу — абрикос — вместо литературного зардолу и т. д.

В ряде основ настоящего времени литературному «з» соответствует звук «х». Например: тох — беги, дух — шей, пух — вари (обед), сух — жги и др. — вместо литературного тоз, дуз, паз, суз.

В начале некоторых слов перед гласными появляется звук «х», там, где это не обосновано этимологически (хафтамбил — вместо автомобиль и др.).

В ряде слов арабского происхождения отсутствующий в данных говорах звук айн (ع) заменяется звуком «ф» (вафда — обещание — вместо литературного ваъда), а между гласными — звуком х: сохат — часы — вместо литературного соат.

Когда встречаются в одном слове два гласных звука, т. е. когда к словам с исходом на гласный присоединяются какой-либо показатель или местоименная энклитика, начинающиеся с гласного, один из них выпадает. Так, например: при встрече двух «а» обычно одно «а» выпадает: куттам < курта + ам — мое платье, апат < апа + ат — твоя мать и др.

Когда встречается звук «а» с другим гласным, обычно звук «а» выпадает: туфлим < туфли + ам — мои туфли, муш < му + аш — её косы, чорсут < чорсу + ат — твой платок и т. п.

При встрече гласного «е» с гласным «и» (в настоящем — будущем времени глагола истодан — стоять) обычно звук «е» выпадает: мистам < ме + истам — я постою.

При встрече других гласных оба звука сохраняются (как и в литературном языке).

В говоре широко распространено отпадение и выпадение звуков, результатом которого является упрощение и сокращение ряда слов и сочетаний. Отпадают и выпадают в основном звонкие смычные б, г, д, н, а также

глухой смычный к: хо < хоб — сон, таи < таги... — под..., ран < ранг — краска, омдан < омаданд — они пришли, ратан < рафтанд — они ходили, ушли, и < ин — это, хаму < хамон — тот самый, ма < ман — я, йа < йак — один и др. Примеры: Халима хо рафтас-мй? — Халима спит? ачам кутташа ран кэрас — моя мать покрасила своё платье; и каса мишнохит-ми шимо? — вы этого человека узнаете? ма оку хамва растани вудийам — (говорят), будто бы я теперь собираюсь за него выйти замуж; йа пас гарм шэвим, мирим-де — немножко согреемся, (потом) пойдем.

Отпадают и выпадают также щелевые согласные х и з: мйнат < мехнат — труд, мймон < мехмон — гость, ма < мох — месяц, ра < рох — дорога, бо < боз — ещё и др. Примеры: кани мймоно? — где гости? йа ма воз инхо кэсал, хичцова биромадгмам не — они уже целый месяц болеют, я никуда не хожу; ра дур будас-мй? — дорога далеко? имсол бо мибийоит-мй? — в этом году вы спать придете?

В беглой речи могут выпадать не только отдельные звуки, но и группы звуков и целые слоги: ка < карда — сделав и кани — где; ну-ка, ика < ин қадар, хамқа < хамин (хамон) қадар — столько, чанқа < чанд қадар — сколько? ан || ани < аз они — местоимение, указывающее на принадлежность, хамча < хамин (хамон) чо — здесь; там, капратанда < кооперативанда (лит. — дар кооператив) — в кооперативе, малим < муаллим — учитель и пр. Это явление особенно отчетливо обнаруживается в сложных глагольных формах: таисас < тарсида истодааст — боится, гиттут < гирифта буд — он брал, кор кахотас < кор карда хоб рафтааст — он работает, кисас < карда истодааст — делает и т. п.

В некоторых словах наблюдается и наращение звуков. В материалах по описываемым говорам зафиксировано наращение звуков т и г: дост < дос — серп, овизгон < овезон — висящий.

Перестановка звуков в наших материалах засвидетельствована в следующих словах: йадираг < якдигар — друг друга, гурзондан < гузаронидан — переносить, ишша < шиша — стекло; бутылка, нивара < набера (здесь е заменяется звуком и) — внук, внучка, турғи < туғри — правильный, правильно.

Так же, как и в некоторых других северных говорах,

в исходе слов звонкие согласные обычно оглушаются. Оглушаются главным образом звонкие согласные: д, б, з: партохит < партоед — бросайте, зат < зад — он бил, хароп < хароб — худой, тис-тис < тез-тез — быстрее и т. д.

В морфологии

Морфологические отличия этих говоров заключаются в следующем:

1 Множественное число имен образуется при помощи суффиксов «о, хо, он, кон» (вместо литературного «гон»): халко — народы, гапо — разговоры, солхо — годы, мухо — мы, зэнон — женщины, башкон < бачагон — дети и пр.

Специфической особенностью данной группы говоров (в области категории множественности) является следующее:

а) при образовании множественного числа ряда имен, обозначающих людей, употребляется двойной суффикс множественности (он+хо=онхо, он+о=оно, кон+о=коно): зэнонхо (зан+он+хо) — женщины; мардонхо (мард+он+хо) || мардоно (мард+он+о) — мужчины; башконо (баш < бача+кон+о) — дети и т. д.;

б) показатель множественности может присоединяться к именам, имеющим местоименную энклитику, и в этом случае форма множественного числа имеет собирательное значение, как например: аммамхо — что значит не мои тетки, а моя тетка вместе с её близкими или с её семьёй; дадомхо — мой отец вместе с его товарищами; ачамхо — моя бабушка вместе с её близкими или с её семьёй; холашхо — её тетка вместе с её близкими или с её семьёй и т. д.

2) Особенности числительных: счет (в речи стариков) ведется двумя способами:

а) двадцатками: чор бист — восемьдесят, се бисту хаф — шестьдесят семь и т. д.;

б) путем вычитания единиц, недостающих до полного десятка (при этом между вычитаемыми единицами и десятками ставится слово «кам» — мало): ду кам бис — восемнадцать, чор кам сад — девяносто шесть и пр.;

в) в говорах параллельно с таджикскими числительными используются и узбекские числительные (как количественные, так и порядковые): хозир-хамтова ман

саксананда — сейчас мне восемьдесят лет; биринчи курпуса унунчи нумрашанда вудас — он оказался в десятом номере первого корпуса.

3) Личные местоимения 1 лица множественного числа мо || муҳо (в речи стариков) часто используется в значении 1 лица единственного числа: вай вахтанда мо дузда-сенздаханда будгӣ — тогда я (досл.: мы) был в возрасте 12-13 лет; ҳозиранги вахтанда муҳо йакам шаспа омдим — в настоящее время мне (досл.: нам) 59 лет. Личное местоимение 1 лица единственного числа «ман» имеет вариант «ма» — я: ма оку ҳамва растани вудийам — (говорят), будто бы я теперь собираюсь за него выйти замуж.

4) Система предлогов и послелогов также имеет отличия от литературного языка. Параллельно с таджикскими предлогами и послелогоми используются также послелоги, заимствованные из узбекского языка (ичун || учун — для, ради, из-за; блан — с, вместе с...; -га — в, на; -дан — из, от; -гача — до и пр.)

Количество предлогов значительно меньше, чем в литературном языке, т. е. имеется всего три предлога: аз || ас || а — из, от, кати — с, вместе с..., ба (вместе с предлогом кати используется в функции литературного предлога «бо» — с, вместе с...), а предлог «бо» и другие предлоги литературного языка, а также послелог-ро, совершенно отсутствуют.

Послелог «-а || йа» (после гласных) имеет значительно более широкие функции, чем в литературном языке. Помимо своей основной функции (показатель прямого объекта), он может заменять собою многие другие предлоги и послелоги: ма́лим-а гуттам, пага мамба китов митийат — я попросил учителя, он завтра принесет мне книгу; ман бозор-а раттудам — я ходил на базар; Ишмат ошхонанда штас, пийода-йа алоп кэдаc — Ишмат сидит в кухне, разжигал очаг.

5) Послелог «-а», присоединяясь к определению, служит также для связи его с определяемым словом, который, принимая соответствующие местоименные энклитики, выражает принадлежность: ин духтар шимо-йа духтарэтон, шимо́йа мондок — эта девочка ваша (дочка), похожа на вас.

6) Сравнение выражается при помощи предлога «а», послелога -дан (узб.) или же сочетанием данного пред-

лога с этим же послелогом: а и (н) тэтаркилни ман дируст вудас — моя невестка — татарка, оказывается, лучше неё; пйштар мэна (м) чой-дан ов (и) хинука нағз миддам — раньше я тоже любила холодную воду больше, чем чай; и (н) кас чилва раттаги, а ман-дан пан (ч) сол катта — ей сорок лет, (она) на пять лет старше меня.

7. Первичные личные глагольные окончания:

ед. ч.	мн. ч.
I -ам —	-им
II -и —	-ит (-итон)
III -ат —	-ан

8) Вторичные окончания:

ед. ч.	мн. ч.
I -ам —	-им
II -и —	-ит (-итон)
III -ас —	-ан

Глагольная связка III лица единственного числа «ас» употребляется только при глагольном и сложном именном сказуемом, а простое именное сказуемое выражается без связки.

9) Значительно отличается от литературного языка и других говоров спряжение глаголов в перфекте. Особое окончание имеет только III лицо единственного числа. За исключением I и III лица единственного числа и III лица множественного числа, все остальные лица единственного и множественного числа полностью совпадают с простым прошедшим временем. Исходный «а» деепричастия в I лице единственного числа и III лице множественного числа в результате быстрого произношения переходит в сильно редуцированный и:

по говорам:		в литер. языке.	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
I хондийам —	хондим	хонда-ам —	хонда-ем
II хонди —	хондит (хондитон)	хонда-и —	хонда-ед
III хондас —	хондийан	хонда-аст —	хонда-анд

10) Имеются некоторые отличия в самих типах глагольных основ. Например: у глагола «рехтан» — лить,

сыпать основа настоящего времени будет «рих» — вместо литературного «рез»; у глагола «тохтан» — скакать основа настоящего времени будет «тох» — вместо литературного «тоз»; у глагола «истодан» — стоять основа настоящего времени — «исто» — вместо литературного «ист» и т. д.

11) Существенно отличается от литературного языка и наличие у приставки ме несколько фонетических вариантов, обусловленных ассимиляцией гласного звука этой приставки с гласными звуками основы глагола: митийам < медихам — даю, отдам, мудухам < медушам — шью, муфурухат < мефурушад — продает, мибардорам || мебардорам (очень редко) — поднимаю и пр.

12) Имеется несколько глагольных форм, неизвестных литературному языку. Например: настоящее определенное время глаголов типа: хондахотийам — читаю, ратахотийам — иду и т. д.

13) Глагол «додан» (при инфинитиве другого глагола) используется для обозначения начала действия. Например: рафтан додам — я пошел — вместо литературного «рафтан гирифтам» и др.

14) Имеются сложно-деепричастные глаголы, неизвестные литературному языку: один и тот же глагол выступает и как основной, и как модифицирующий. Например: биратта мирим — пойдём, гита биратта мират — несет, гуфта биратта мират — говорит и пр. В наших материалах зафиксирован в таких сочетаниях только глагол «рафтан» — итти. Подобные сложно-деепричастные глаголы используются для выражения длительности действия.

15) Некоторые сложные глагольные формы в результате сильного стяжения превратились в простые:

таисас < тарсида истодааст (настоящее определенное время глагола «тарсидан» — бояться),

гуттут < гуфта буд (прежде-прошедшее время глагола «гуфтан» — сказать, говорить) и пр.

16) Так же, как и во всех таджикских говорах, неупотребительна и даже неизвестна форма сложного будущего времени (хохам хонд).

17. Употребление отглагольных имен и предположительной формы глагола совпадают с таковыми литературного языка.

В синтаксисе

Синтаксис предложения в целом не имеет существенных отличий от синтаксиса литературного языка. Однако в исследуемых нами говорах порядок членов предложения (особенно сказуемого) во фразах более свободный, чем в литературном языке: сказуемое может стоять в начале, середине и конце предложения. В разговорной речи наиболее употребительны простые, короткие предложения.

Для сочинительной связи слов и предложений широкое употребление имеет союз -у || йу (после гласных). Для связи придаточных предложений с главными наиболее употребительным является союз «ки» — что.

В словарном составе

В основном словарном фонде исследуемой нами группы говоров, помимо слов общих с литературным языком, имеются также слова, свойственные только этим говорам. Например: обдон — окончательно; никогда; нисколько; очень — вместо литературного тамоман — окончательно, хеч — никогда; нисколько; чудо — очень (хоп обдон манйам адо кат — бессонница меня тоже окончательно измучила; ман обдон дидгим не вэйа — я никогда не видел его; обдон кувтам не-де — нисколько нет силы у меня; обдон хинук хурдит-те — вы очень замерзли); тахсимча — тарелка — вместо литературного «табакча»; чорсу — платок, который носят мужчины вместо пояса — вместо литературного «румол»; ¹⁾ овизгон кардан — вешать — вместо литературного «овехтан» и др. (подробное перечисление этих слов приведено в «Словаре диалектизмов».

Некоторые слова литературного таджикского языка в говорах используются абсолютно в другом значении, например: в отличие от литературного языка, в этих говорах вопросительная частица «магар» — разве, помимо своего основного значения, используется также в значениях модальных слов и выражений типа: афташ || аз афташ — кажется, как будто, употребительного в литературном языке. Примеры: апаш гиндошта мондги, ма-

¹⁾ румол — в данных говорах обозначает платок, который носят женщины на голове.

гар — её мать как будто убрала (о вещах); шарм дошта бирапт, магар, шимойа дида — кажется, она застыдилась, увидев вас.

Глагол «йофтан» — находить, помимо своего основного значения, употребляется в значении «таваллуд кардан» — рожать. Например: ина йофтагиманда башкон нав мафтав биромдаги вут — когда я этого родила, дети только-что начали заниматься в школах.

Слово «нийода» — пешком также, кроме своего основного значения, используется в значении «оташдон»¹⁾ — очаг. Например: Ишмат ошхонанда штас пийодайа алоп кэда — Ишмат сидит в кухне, разжигая очаг и т. д.

Одной из отличительных особенностей этих говоров является наличие в их словарном составе большого количества заимствований из узбекского языка.

Из узбекского языка заимствованы слова следующих категорий: некоторые термины родства (апа — 1) мать — молодая; 2) старшая сестра; ача — 1) мать — пожилая или старая; 2) бабушка; йанга — жена старшего брата или дяди и др.), некоторые слова, употребляющиеся по отношению людей для обозначения различного их свойства (қари — старик, қочки — беглец, қушни — сосед и т. д.), названия некоторых животных (туяа — верблюд, ишки — коза и т. п.), названия некоторых частей тела и внешнего вида человека (қилоғ || қулоғ — ухо, тус — внешность и пр.), названия некоторых предметов домашнего обихода (чумуч — половник, наrsa — вещь и др.), названия некоторых видов одежды (кийим — одежда, утуг — сапоги, қулқоп — перчатка и т. д.), большое количество отглагольных образований с суффиксом «-миш», употребляющихся в сочетании с таджикским глаголом «кардан» — делать (йиғилиш кардан — собираться, йозмиш кардан — писать, учрамиш кардан — встретиться и т. п.), большое количество числительных (количественных и порядковых: бир — один, ун — десять, биринчи — первый, унунчи — десятый) и т. п.

В словарный состав данных говоров вошло и продолжает входить большое количество слов из русского языка.

Находясь на территории Казахстана и в окружении

¹⁾ оташдон (в говорах произносят обычно «оштон») — обозначает печку для печения лепешек.

казахского языка, эти говоры не могли остаться и без влияния языка казахского. Однако надо отметить, что это влияние очень незначительное и в наших материалах по настоящей работе засвидетельствованы лишь несколько слов, заимствованных из казахского языка: қағдай — условие (жизни, работы и пр.), ағай — хозяин и др.

Особенности говоров жителей Богистана и Наная по сравнению с брич-муллинским говором

Анализ говоров Богистана и Наная показал, что они в основе своей однородны с брич-муллинским говором и имеют больше общих черт, чем различий, так что они составляют одну общую группу говоров.

Расхождения, на основании которых данная группа говоров делится на три говора (брич-муллинский, богистанский и нанайский) имеются в фонетике — в ряде специфических фонетических явлений, в морфологии и частично в лексике.

В составе гласных и согласных между этими тремя говорами расхождения нет. Говорные их отличия в области фонетики заключаются в различном использовании одних и тех же общих фонетических признаков.

Приводим классификационные признаки богистанского и нанайского говоров сравнительно с брич-муллинским говором:

1. В области фонетики:

брич-муллинский	богистанский	нанайский
1) звук «е» как правило заменяется звуком «й»: рйзги < резги — обрезки, бймаза < бемаза — безвкусный, дйг < дег — котел и пр.;	встречаются случаи замены звука «е» звуком «й», но реже, чем в брич-муллинском: резги, бемаза, дйг;	этот звук во всех словах сохраняется, как и в литературном языке: резги, бемаза, дег;
2) в словах «шин» — сладкий и «бин» — посмотри имеется звук «и» также, как и в литературном языке: шин, бин;	в этих же словах звук «и» заменяется звуком «е»: шерин, бен;	в этих словах тоже наблюдается то же явление, что и в богистанском: шерин, бен;

брич-муллинский	богистанский	нанайский
3) в слове «чашм» — глаз имеется звук «а», как и в литературном языке;	это слово произносится так же, как и в брич-муллинском;	в данном слове звук «а» заменяется звуком «и» (чишм);
4)	во многих словах звук «а» заменяется звуком «о»: косол < касал — больной, осийондо < осийонда (лит. — дар осие) — в мельнице и пр.;	
5) слово «бозор» — базар, рынок произносится так же, как и в литературном языке;	в данном слове первый звук «о» заменяется звуком «у» (бузор);	то же самое, что и в брич-муллинском;
6) звуки в, ф — губно-губные;	данные звуки — губно-зубные, как и в литературном языке;	так же, как и в богистанском, эти звуки губно-зубные;
7) звук «ф» имеет ослабленную фонематическую значимость и часто заменяется звуком «п»: Паргона < Фаргона — Фергана, рафт рапт — сн ушел, соп < соф — прозрачный, чистый и др.;	звук «ф» сохраняется так же, как и в литературном языке;	то же самое, что и в богистанском;
8) в словах «дугтар» — дочь и «дугта» — два, в начале звук «д» сохраняется, как в литературном языке;	в этих же словах звук «д» заменяется звуком «т»: тухтар, туга;	так же, как и в богистанском, звук «д» в данных словах заменяется звуком «т» (тухтар, туга);

брич-муллинский	богистанский	нанайский
9)		в глагольных формах настоящего определенного и преждепрошедшего времени типа: хондахотийам — я читаю, гуфтахотас — он говорит, кашондахотас — он везет; несет, омдахотудам — я шел и пр. (свойственных брич-муллинскому и богистанскому говорам) в суффиксе «-хот» звук «х» заменяется звуками «г» или «к»: хондаготийам хондакотийам, гуфтаготас гуфтакотас, кашондаготас кашондакотас, омдаготутам омдакотутам и пр.;
10)	наблюдается наращение звука «о» в конце глаголов: кадасо — он сделал, хондасо — он читал. мирафтасо — он пойдет и пр. — вместо литературного кардааст, хондааст, мерафтааст и пр.	

2. В области морфологии:

1) возвратное местоимение «худ» — сам имеет произношение «хуаш хидаш» — он сам и др.;	это местоимение произносится так же, как и в брич-муллинском;	данное местоимение сильно сокращается, принимая формы «хаш хуаш»;
2) стяжение глагольных форм: микнам мукунам < мекунам — я сделаю, хораптас < хоб рафтааст — он спит, кадагис < кардагист —	стяжение глагольных форм совпадает с брич-муллинским;	наблюдается более сильное стяжение глагольных форм: мекам, хоттас, кагис, бози котас и пр.;

брич-муллинский	богистанский	нанайский
возможно, он сделал, бози кахотас бози кисас < бози карда истодааст—он играет и пр.;		
3) стяжение деепричастий: ка < карда — сделав, нада < надида—не видел, гита < гирифта—взяв, получив и пр.;	стяжение деепричастий также совпадает с брич-муллинским;	отличается от первых двух говоров стяжение деепричастия настоящего времени «гон < гирон» — получая.

3. В области лексики:

1) ишки — коза	буз	буз
2) йетмиш — семьдесят	хафтот	хафтот
3) овизгон кардан — повесить	обрихтан	овехтан
4) ичро кардан — выполнять	бацо гирон омадан	ичро кардан
5) чидойам чойам — очень	так же, как в брич-муллинском говоре	чилйам — очень
6) тахсимча — тарелка	лаганча	так же, как и в богистанском говоре
7) пийода — очаг	сайрак	дегсанга
8) ертаги — сказка	сунчак	как в богистанском и пр.

Помимо приведенных фонетических, морфологических и лексических расхождений, имеются отличия между этими тремя говорами и в их основном словарном фонде. Слова, существующие в основном словарном фонде богистанского и нанайского говоров и отличающие их от брич-муллинского говора, приведены в «Словаре диалектизмов».

Из числа этих трех говоров богистанский говор противопоставляется двум остальным (брич-муллинскому и нанайскому) также своей специфической интонацией, которая сближает его с говором бухарских евреев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенной характеристики грамматического строя и словарного состава таджикских говоров Бастандыкского района Казахской ССР видно, что их можно объединить в одну общую группу говоров. Более того можно сказать, что в них значительно больше общих явлений, чем расхождений. Из числа явлений общих для всех этих говоров можно отметить следующие:

а) в фонетике:

1) редкое употребление фонемы у, замена её почти во всех таджикских словах звуком ū;

2) частые отпадения и выпадения звука х;

3) губно-губное произношение звуков «в» и «ф»;

4) замена двух рядом стоящих «а» одним звуком «а»;

5) замена арабского айна (ع) в словах ағзо — член и вағда — обещание звуком ғ: ағзо, вағда;

6) перестановка звуков в словах: гурзондан < гузариондан — переносить, йадираг < якдигар — друг друга;

7) соответствие звука «х» литературному «з» в основах настоящего времени типа: тох < тоз — беги, пух < паз — вари, готов (о пище), сух < сүз — сожги, дух < дуз — шей и пр.;

б) в морфологии:

1) сильное стяжение сложных глагольных форм и превращение их в простые;

2) замена литературного «-ро» послелогом «-а́»;

в синтаксисе: синтаксическая конструкция, представляющая сочетание определения с определяемым словом, типа: туйа апат — твоя мать; наличие большого количества послелогов, заимствованных из узбекского языка и пр.;

в словарном составе:

1) наличие ряда слов таджикского происхождения, отсутствующих в литературном языке;

2) наличие большого количества слов, заимствованных из узбекского языка.

По некоторым признакам эти говоры имеют сходство с группой северо-западных таджикских говоров, по другим признакам — с группой юго-восточных говоров.

Почти полное отсутствие (за исключением некоторых слов) фонемы «у» сближает их с юго-восточными говорами, а отсутствие фонемы х и г, система предлогов и послелогов, наличие окончания II лица множественного числа «-итон» < -етон», наличие глагольной связки III лица единственного числа ас < аст, система глагольных времен и отсутствие личного местоимения III лица единственного числа у — сближает их с северо-западными говорами таджикского языка.

Обилие заимствований из узбекского языка сближает эти говоры с чувским говором.